

Волшебная сила искусства

Виктор Драгунский прославился своими „Денискиными рассказами”. Но он писал и для взрослых – прекрасные рассказы и повести. Как сказал его друг Юрий Нагибин – даже в сатирических рассказах Драгунского всегда остается кристаллик грусти, не растворимый в царской водке сарказма... Рассказ „Волшебная сила искусства” был экранизирован в 1970 году и вошёл в киноальманах „Волшебная сила”. Главную роль в нём блистательно сыграл незабываемый Аркадий Райкин:

– Елена Сергеевна, здравствуйте!..

Старая учительница вздрогнула и подняла глаза. Перед нею стоял невысокий молодой человек. Он смотрел на неё весело и тревожно, и она, увидев это смешное мальчишеское выражение глаз, сразу узнала его.

– Дементьев, – сказала она радостно. – Ты ли это?

– Это я, – сказал человек, – проходил мимо школы и решил Вас навестить. Можно?

Она кивнула, и он уселся рядом с нею.

– Как же ты поживаешь, Дементьев, милый?

– Работаю, – сказал он, – в театре. Я актёр. Актёр на бытовые роли, то, что называется „характерный”. А работаю много! Ну, а вы? Как вы-то поживаете?

– Я по-прежнему, – бодро сказала она, – прекрасно! Веду четвёртый класс, есть просто удивительные ребята. Интересные, талантливые... Так что всё великолепно!

Она помолчала и вдруг сказала упавшим голосом:

– Мне комнату новую дали... В двухкомнатной квартире... Просто рай...

Что-то в её голосе насторожило Дементьева.

– Как вы это странно произнесли, Елена Сергеевна, – сказал он, – невесело как-то... Что, мала, что ли, комната? Или далеко ездить? Или без лифта? Ведь что-то есть, я чувствую. Или кто-нибудь хамит? Кто же? Директор школы? Управдом? Соседи?

– Соседи, да, – призналась Елена Сергеевна, – понимаешь, я живу как под тяжестью старого чугунного утюга. Мои соседи как-то сразу поставили себя хозяевами новой квартиры. Нет, они не скандалят, не кричат. Они действуют. Выкинули из кухни мой столик.

В ванной заняли все вешалки и крючки, мне негде повесить полотенце. Газовые горелки всегда заняты их борщами, бывает, что жду по часу, чтобы вскипятить чай... Ах, милый, ты мужчина, ты не поймешь, это всё мелочи. Тут всё в атмосфере, в нюансах, не в милицию же идти? Не в суд же. Я не умею с ними справиться...

– Всё ясно, – сказал Дементьев, и глаза у него стали недобрыми, – вы правы. Хамство в чистом виде...

А где же это вы проживаете, адрес какой у вас? Ага. Спасибо, я запомнил. Я сегодня вечером к вам зайду. Только просьба, Елена Сергеевна. Ничему не удивляться. И полностью мне во всякой моей инициативе помогать! В театре это называется „подыгрывать"! Идёт? Ну, до вечера! Попробуем на ваших троглодитах волшебную силу искусства!

И он ушёл.

А вечером раздался звонок. Звонили один раз.

Мадам Мордатенкова, неспешно шевеля боками, прошла по коридору и отворила. Перед ней, засунув ручки в брючки, стоял невысокий человек, в кепочке. На нижней, влажной и отвисшей его губе сидел окурок.

– Ты, что ли, Сергеева? – хрипло спросил человек в кепочке.

– Нет, – сказала шокированная всем его видом Мордатенкова. – Сергеевой два звонка.

– Наплевать. Давай проводи! – ответила кепочка.

Оскорблённое достоинство Мордатенковой двинулось в глубь квартиры.

– Ходчей давай, – сказал сзади хриплый голос, – ползёшь как черепаха.

Бока мадам зашевелились порезвей.

– Вот, – сказала она и указала на дверь Елены Сергеевны. – Здесь!

Незнакомец, не постучавшись, распахнул дверь и вошёл. Во время его разговора с учительницей дверь так и осталась неприкрытой. Мордатенкова, почему-то не ушедшая к себе, слышала каждое слово развязного пришельца.

– Значит, это вы повесили бумажку насчёт обмена?

– Да, – послышался сдержанный голос Елены Сергеевны. – Я!..

– А мою-то конурёнку видела?

– Видела.

– А с Нюркой, женой моей, разговор имела?

– Да.

– Ну, что ж... Ведь я те так скажу. Я те честно: я бы сам ни в жисть не поменялся. Сама посуди: у mine там два корешка. Когда ни надумаешь, всегда на троих можно сообразить. Ведь это удобство? Удобство... Но, понимаешь, мне метры нужны, будь они неладны. Метры!

– Да, конечно, я понимаю, – сдавленно сказал голос Елены Сергеевны.

– А зачем мне метры, почему они нужны мне, соображаешь? Нет? Семья, брат, Сергеева, растёт. Прямо не по дням, а по часам! Ведь старшой-то мой, Альбертик то, что отмочил? Не знаешь? Ага! Женился он, вот что! Правда, хорошую взял, красивую. Зачем хаять? Красивая – глазки маленькие, морда – во! Как арбуз!!! И голосистая... Прямо Шульженко. Целый день „ландыши-ландыши"! Потому что голос есть – она любой красноармейский ансамбль переорёт! Ну, прямо Шульженко! Значит, они с Альбертиком-то очень просто могут вскорости внука отковать, так? Дело-то молодое, а? Молодое дело-то или нет, я те спрашиваю?

– Конечно, конечно, – совсем уж тихо донеслось из комнаты.

– Вот то-то и оно! – хрипел голос в кепочке. – Теперь причина номер два: Витька. Младший мой. Ему седьмой пошёл. Ох, и малый, я те доложу. Умница! Игрун. Ему место надо? В казаки-разбойники? Он вот на прошлой неделе затеял запуск спутника на Марс, чуть всю квартиру не спалил, потому что теснота! Ему простор нужен. Ему развернуться негде. А здесь? Ступай в коридор и жги чего хошь! Верно я говорю? Зачем ему в комнате поджигать? Ваши коридоры просторные, это для меня плюс! А?

– Плюс, конечно.

– Так что я согласен. Где наша не пропадала! Айда коммунальные услуги смотреть!

И Мордатенкова услышала, что он двинулся в коридор. Быстрее лани метнулась она в свою комнату, где за столом сидел её супруг перед двухпачечной порцией пельменей.

– Харитон, – просвистела мадам, – там бандит какой-то пришёл, насчёт обмена с соседкой! Пойди же, может быть, можно как-нибудь воспрепятствовать!..

Мордатенков пулей выскочил в коридор. Там, словно только его и дожидаясь, уже стоял мужчина в кепочке, с прилипшим к губе окурком.

– Здесь сундук поставлю, – говорил он, любовно поглаживая ближний угол, – у моей маме сундучок есть, тонны на полторы. Здесь мы его поставим, и пускай спит. Выпишу себе маму из Смоленской области. Что я, родной матери тарелку борща не налью? Налью! А она за детьми присмотрит. Тут вот ейный сундук вполне встанет. И ей спокойно, и мне хорошо. Ну, дальше показывай.

– Вот здесь у нас ещё маленький коридорчик, перед самой ванной, – опустив глаза, пролепетала Елена Сергеевна.

– Игде? – оживился мужчина в кепочке. – Игде? Ага, вижу, вижу.

Он остановился, подумал с минуту, и вдруг глаза его приняли наивно-сентиментальное выражение.

– Знаешь чего? – сказал он доверительно. – Я те скажу как своей. Есть у меня, золотая ты старуха, брательник. Он, понимаешь, алкоголик. Он всякий раз, как подзашибёт, счас по ночам ко мне стучится. Прямо, понимаешь, ломится.

Потому что ему неохота в отрезвиловку попадать. Ну, он, значит, колотится, а я, значит, ему не отворюю. Мала комнатёнка, куды его? С собой-то ведь не положишь! А здесь я кину на пол какую-нибудь тряпку, и пускай спит! Продрыхнется и опять смирный будет, ведь это он только пьяный скандалит. Счас, мол, вас всех перережу. А так ничего, тихий. Пускай его тут спит. Брательник всё же... Родная кровь, не скотина ведь...

Мордатенковы в ужасе переглянулись.

– А вот тут наша ванная, – сказала Елена Сергеевна и распахнула белую дверь.

Мужчина в кепочке бросил в ванную только один беглый взгляд и одобрительно кивнул:

– Ну, что ж, ванна хорошая, ёмкая. Мы в ей огурцов насолим на зиму. Ничего, не дворяне. Умываться и на кухне можно, а под первый май – в баньку. Ну-ка, покажь-ка кухню. Игде тут твой столик-то?

– У меня нет своего стола, – внятно сказала Елена Сергеевна, – соседи его выставили. Говорят – два стола тесно.

– Что? – сказал мужчина в кепочке грозно. – Какие такие соседи? Эти, что ли?! – Он небрежно ткнул в сторону Мордатенковых. – Два стола им тесно? Ах, буржуи недорезанные! Ну, погоди, чёртова кукла, дай Нюрка сюда приедет, она тебе глаза-то живо выцарапает, если ты только ей слово поперёк пикнешь!

– Ну, вы тут не очень, – дрожащим голосом сказал Мордатенков, – я попросил бы соблю-
дать...

– Молчи, старый таракан, – прервал его человек в кепочке, – в лоб захотел, да? Так я брызну! Я могу! Пушай я в четвёртый раз пятнадцать суток отсижу, а тебе брызну! А я-то ещё сомневался, меняться или нет. Да я за твоё нахальство из принцыпа переменюсь! Баушк! – Он повернулся к Елене Сергеевне. – Пиши скорее заявление на обмен! У меня душа горит на этих подлецов! Я им жизнь покажу! Заходи ко мне завтра утречком. Я те ожидаю.

И он двинулся к выходу. В большом коридоре он, не останавливаясь, бросил через плечо, указывая куда-то под потолок:

– Здесь корыто повешу. А тут мотоциклет. Будь здорова. Смотри не кашляй.

Хлопнула дверь. И в квартире наступила мёртвая тишина. А через час...

Толстый Мордатенков пригласил Елену Сергеевну на кухню. Там стоял новенький синезёлтый кухонный столик.

– Это вам, – сказал Мордатенков, конфузясь, – зачем вам тесниться на подоконнике. Это вам. И красиво, и удобно, и бесплатно! И приходите к нам телевизор смотреть. Сегодня Райкин. Вместе посмеемся...

– Зина, солнышко, – крикнул он в коридор, – ты смотри же, завтра пойдёшь в молочную, так не забудь Елене Сергеевне кефиру захватить. Вы ведь кефир пьёте по утрам?

– Да, кефир, – сказала Елена Сергеевна.

– А хлеб какой предпочитаете? Круглый, рижский, заварной?

– Ну, что вы, – сказала Елена Сергеевна, – я сама!..

– Ничего, – строго сказал Мордатенков и снова крикнул в коридор: – Зинулик, и хлеба! Какой Елена Сергеевна любит, такой и возьмишь!.. И когда придёшь, золотко, постираешь ей, что нужно...

– Ох, что вы!.. – замахала руками Елена Сергеевна и, не в силах больше сдерживаться, побежала к себе. Там она сдернула со стены полотенце и прижала его ко рту, чтобы заглушить смех. Её маленькое тело сотрясалось от хохота.

– Сила искусства! – шептала Елена Сергеевна, смеясь и задыхаясь. – О, волшебная сила искусства...

Виктор ДРАГУНСКИЙ.